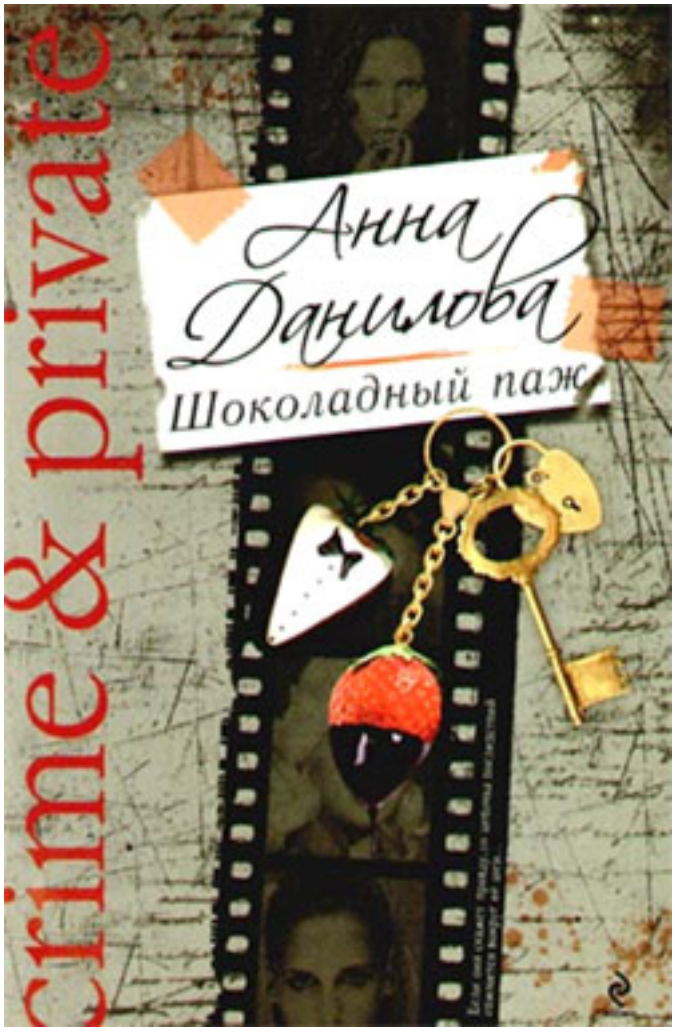

crime & private
Анна Данилова
Шоколадный паж

Анна Данилова
Шоколадный паж

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118757
Данилова А. В. Шоколадный паж: Роман: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-34272-3

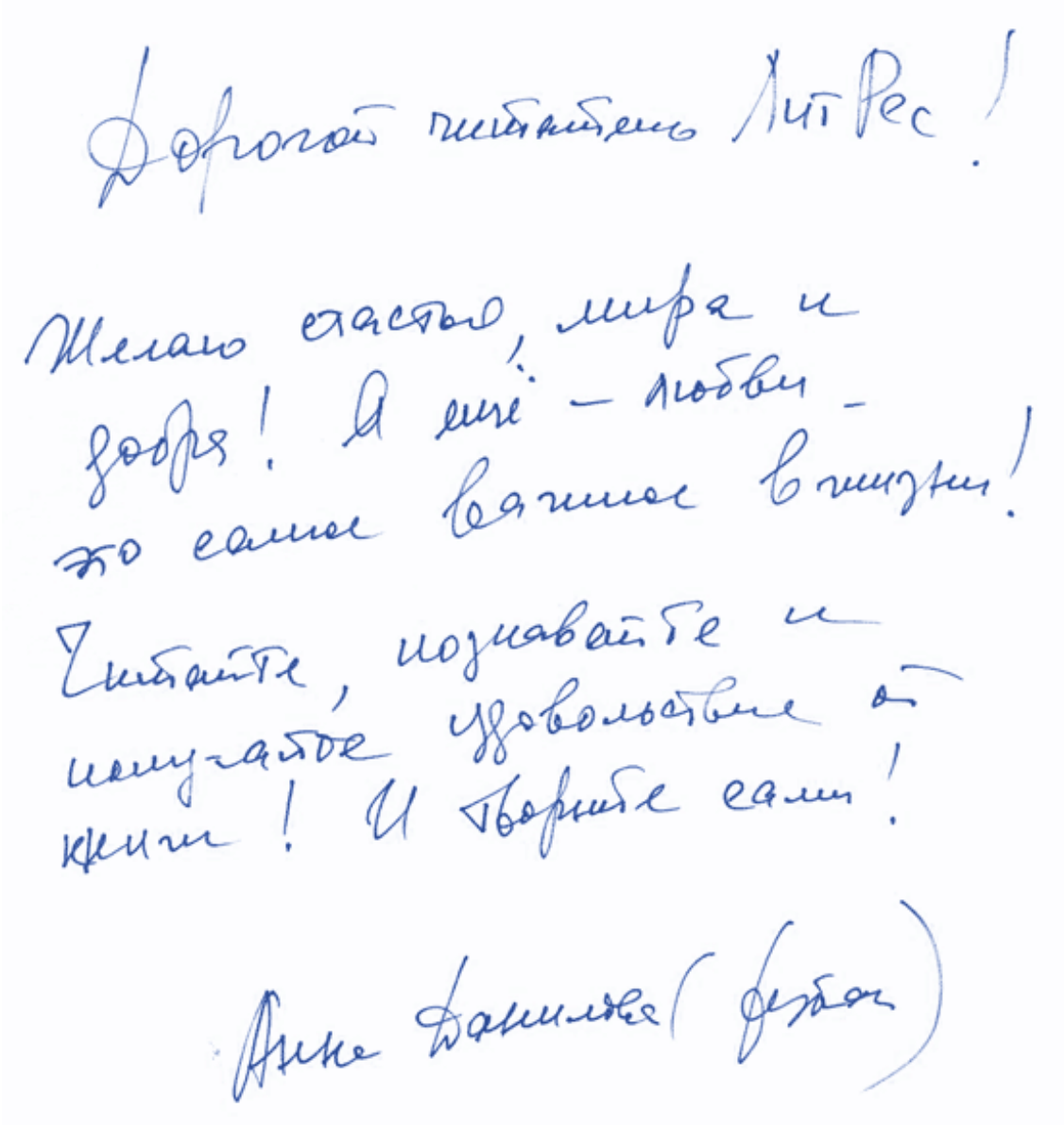
Аннотация

Второй раз в жизни Валентина забрела в тупик, и рядом снова был Лева Кайтанов. Но если в первый раз все было куда проще – ведь она успела вовремя вернуть в сейф украденные из конторы, где она работала бухгалтером, деньги, – то сегодняшнее ее положение казалось безвыходным. Ее осудят за убийство, дадут срок, и рожать она будет в тюрьме. Валя не знала, что сейчас сказать мужу. Правду? Он никогда не простит ее и вряд ли поверит, что ребенок, которого она ждет, – его. И как может Кайтанов смириться с тем, что он последние полгода делил свою жену с другим мужчиной! У его любимой Валентины два мужа? Две семьи?.. Да если она скажет правду, то длина цепочки, что потянется за этим делом, будет как раз равна петле вокруг ее шеи…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 19
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Анна Данилова
ШОКОЛАДНЫЙ ПАЖ



Глава 1

Москва, 2000 г.

Кайтанов Лев Борисович вел машину по влажному после летнего дождя асфальту уверенно, а сам он был такой большой, ловкий и гибкий. Москва переливалась рекламными размытыми огнями, в салон врывался душный теплый ветер, который лохматил волосы на голове и придавал воздуху элемент мнимой природной свежести. Он давно привык к загазованности московских улиц, и ему даже нравилось вдыхать эту мешанину запахов и ветра, особенно после дождя или зимой, во время снежной бури… Единственно, к чему он так и не привык, – это к своему отражению в зеркале. Он не любил свое лицо, как не любили его все женщины, с которыми он пытался сблизиться за последние двадцать лет. Лицо – словно картонная маска обезьяны, намертво припаянная с самого рождения.

Лева покраснел, вспомнив, как утром зеркало в спальне отразило его собственную фигуру рядом с розовым нежным телом Валентины… Уже одеваясь после завтрака и завязывая галстук, он хотел задать ей мучивший его уже давно вопрос: как можно предаваться любви, а несколькими минутами позже спокойно пить кофе с молоком и вести будничный разговор о химчистке или о войне в Чечне? Разве это совместимо? Разве это не противоестественный прыжок с облаков на землю? Но он не спросил, потому что знал приблизительно ответ. «Как можно? Да через запятую», – ответила бы Валентина и улыбнулась, раздвинув свои розовые теплые губы.

Он был несказанно счастлив в этот вечер, когда, подкатывая к подъезду, взглянул на светящееся на третьем этаже окно, как был счастлив вот уже почти два года, что они жили вместе. Только наедине с женой он испытывал облегчение, как если бы за порогом, истекая кровью, оставалась содранная с лица обезьянья маска. Она, Валентина, видела его другим, не таким уродом, как остальные женщины. Она целовала его толстые губы, впалые длинные щеки, маленькие глаза…

Он знал, что сейчас, позвонив, услышит ее легкие шаги, воркующий голос и в следующее мгновение увидит ее, тоненькую, с выступающим вперед животом, в котором до положенного срока обитает маленький Кайтанов… И будет ужин, и будут разговоры о его работе, о доме, о будущем ребенке, обо всем том, что так дорого им обоим. Он чуть не застонал от избытка радостных чувств, которые подкатили к самому горлу в тот момент, когда он нажал на звонок… Вот они, легкие шаги… Дверь открылась, и он увидел Валентину. Она была в джинсовом комбинезоне с металлическими пряжками и белом свитере. В лице ни кровинки. Волосы аккуратно зачесаны. В руках конверт.

– Хорошо, что ты успел… – сказала она и на его глазах разорвала конверт. – Сама тебе скажу…

Кайтанов почувствовал, как щеки его стало покалывать – кровь прилила к лицу. Он испугался уже одного взгляда Валентины. Что могло случиться? Она уходит от него? Это была его первая мысль, самая страшная и неотвратимая, от которой спрятаться можно было только в небытии… Он знал, что не проживет без нее ни дня, что вся жизнь его сосредоточена теперь лишь в этой хрупкой и нежной женщине.

– Лева, я убила человека. Сейчас за мной приедут. В спальне пакет с теплыми вещами – перешлешь тогда, если получится… Больше ни о чем не спрашивай, я не могу тебе ничего сказать… Лучше будет, если ты забудешь меня. Но и я не могла иначе…

Он словно окаменел. В дверь звонили, стучали, ломились. Она сама подошла к двери и спокойно открыла. Впустила незнакомых людей, которые первым делом надели на нее наручники; кто-то сунул под нос Леве бумагу, сказал что-то об обыске…

Ночь он, полумертвый от навалившегося на него горя, провел в отделении милиции. Он так ничего и не понял. И жаждал одного – проснуться.

Луговское Марксовского района Саратовской области, 1998 г.

– Не знаю, как ты, а я устала, все… – Девушка в шортах и красной майке спрыгнула с велосипеда и, переводя дух, сделала несколько гимнастических упражнений, разминая мышцы.

Рядом с ней затормозил молодой загорелый мужчина, сошел с велосипеда, сбросил с плеч рюкзак и, достав клетчатый носовой платок, принялся тщательно вытирать с лица и шеи пот.

– А ты недурственно катаешься, я тебя еле догнал… – Видно было, что он хочет сделать ей комплимент. На самом деле он только делал вид, что отстает. – Ты моя мышка? Ты моя малышка? Послушай, как здесь тихо…

В лесу, куда свернули велосипедисты, было действительно очень тихо. Щебетали птицы, шелестела убаюкивающе листва, над которой раскинулось ярко-голубое небо. Солнечный свет дробился на сухом настиле из еловых иголок. Благостная тишина. Они, девушка и мужчина, отлично знали, зачем свернули сюда, в эту прохладную и манящую тень, а потому она не сопротивлялась, когда он стал стаскивать с нее тесные шорты; закинув руки, она изогнулась всем телом, помогая ему раздеть себя. Эти первые мгновения ей всегда нравились, в отличие от бурного и непредсказуемого продолжения. Этот мужчина был ее первым любовником и считался женихом.

Луч солнца падает на розовый сосок, золотит висок с прилипшими к нему завитками… Мужчина, освободившись от широких желтых брюк, впивается пальцами рук в горячие плечи девушки. Ступни его ног, в белых влажных носках, которые он не успел в нетерпении снять, теперь ритмично касаются, слегка упираясь, прогретых за целый день спиц брошенного на землю велосипеда. Крупная золотая цепь мужчины, свесившись с шеи, елозит по губам и подбородку девушки. Она, постанывая и делая вид, что ей приятно его грубое вторжение, подбирается назад, под ель, ближе к стволу, пятясь непроизвольно на мягкий бугор, словно боясь, что мужчина раздавит ее своим тяжелым телом. «Не так сильно… Ты меня убьешь…» – «А разве тебе не нравится? Женщинам нравятся такие удары…» – «А откуда ты знаешь, что нравится женщинам? У тебя было много женщин?» Она шепчет это, проглатывая слова и постанывая скорее от боли и от невозможности дышать полной грудью. «Не разговаривай, не отвлекайся… Ты хорошая мышка-малышка, и у меня, кроме тебя, никого нет… А теперь перевернись, попробуем так…» – «Подожди, здесь что-то острое… под иголками… я же сейчас щеку пораню…» –«Лежи смирно, а то дядя рассердится…»

Спустя некоторое время она уже лежит на спине, устремив взгляд в небо, и вспоминает слова матери о том, что все мужчины – животные. Налет гнусности присутствует на всем, что она сейчас видит и испытывает. Она уже начинает потихоньку ненавидеть своего жениха, ей не нравятся его грубые игры, которые больше напоминают изнасилования. Она не получает удовольствия, она еще незнакома с ним. К тому же у нее все тело ниже талии в еловых иголках и земле, бедра влажно стынут, а на щеке порез… Ей хочется плакать, но вместо этого она тупо смотрит на спокойно надевающего брюки мужчину. Глаза его еще затуманены вырванным у нее наслаждением. Наконец и он замечает кровь. Опускается на одно колено перед девушкой и начинает театрально слизывать кровь с ее щеки.

– Это чем ты так поранилась?

– Я же говорила тебе, – шепчет она, с трудом сдерживая слезы и стараясь не глядеть в его глаза, – а ты не слушал…

– Мужчины в такие минуты ничего не слышат… Это пора усвоить, девочка…

Ей не нравится, как он разговаривает с ней. Она в который уже раз вспоминает другого парня, одноклассника, – с ним они обнимались на черных мягких матах в спортзале, – и

думает о том, что лучше было бы, если бы эту велосипедную прогулку она совершила с ним… Все было бы по-другому, нежнее, теплее…

Слегка разрыв землю ладонью, он вытаскивает нечто бесформенное, сначала непонятное, после чего, пожав плечами, констатирует:

– Да это же каблук! Самый настоящий каблук, от женской туфли… Надо же, какая-то росомаха потеряла его здесь… Наверно, тоже была не одна…

Мужчина берет в руки острый, вырванный «с мясом» каблук, облепленный засохшими комьями земли, и внимательно рассматривает его. Он мысленно представляет себе женщину, таинственную женщину, оказавшуюся здесь, в этой глуши, только лишь за тем, чтобы разделить это мягкое и податливое ложе из еловых веток с мужчиной. Он даже как будто слышит их голоса.

– Они играли, я думаю, она убегала от него, им было весело… Это было летом, – фантазирует он, поймав свою девушку за руку и усаживая подле себя на землю. Продолжая разглядывать каблук и даже не понимая, как она ждет от него ласки, поцелуя, он говорит вполголоса: – Он привез ее скорее всего на машине, потому что на велосипеде на таких шпильках не ездят… Да и пешком от Луговского не так уж и близко…

Он закрывает глаза и откидывается назад, подставляя лицо горячим солнечным лучам. В его возрасте, а ему двадцать пять, ему хочется ежеминутно чувствовать рядом с собой женское тело. И не одно, а много, и чтобы все они принадлежали только ему.

– На ней было цветастое летнее платье, розовое с белым… – Сквозь веки он видит в красном плывущем кадре скользящую фигурку женщины, медленно поднимающую тонкими руками подол светлого платья – все выше и выше; ему кажется даже, что он видит и ее дерзкую, призывную улыбку.

– Думаю, что синее или голубое… – робко вставляет прорезавшийся из солнечной мути голос девушки.

– О чем ты?

– О платье…

– Это почему еще голубое? Какая пошлятина…

– Да потому что здесь пуговица… синяя с голубым…

Он резко поднимается. На ладони девушки он видит маленькую пуговицу. Сине-голубую, с серебряным кантом. Мужчина подходит к небольшому пригорку, скрытому тенью, тому самому, который еще недавно служил подушкой его девушке, и присаживается на корточки.

– Где ты ее нашла?

– Там же, где и каблук. Послушай, Володя, что-то мне не нравится это место… Этот каблук, эта пуговица… Поедем отсюда, этот бугор осел, как оседают могилы… И слой еловых иголок тонкий, не так, как вокруг… Это могила… Мужчина изнасиловал и убил эту женщину. И никакая это была не игра…

Она и сама не знала, как получилось, что она произнесла то, что думала, вслух. Это было не в ее правилах. Обычно она говорила лишь то, что нравилось Володе. Ей казалось, что она и любит его, и боится одновременно.

– Романов начиталась? Дура… – неожиданно оборвал он ее и выхватил из ее ладони пуговицу. – Закрой свой рот и не говори глупостей… Так импотентом меня сделаешь…

Девушка смотрит на мужчину с ужасом. Лицо ее заливается краской – она впервые слышит от него грубость. Не помня себя от стыда и унижения, она бросается к велосипеду, неловко садится на него и, давя на педали непослушными дрожащими ногами, движется в сторону Луговского. Пот теплой противной змеей стекает по спине…

Мужчина же, не удостоив ее вниманием, достает из рюкзака большой охотничий нож, который незаменим даже вот в таких велосипедных прогулках, а тем более в длительных

походах с кострищами и ночлегами. Нож всегда придавал ему уверенности в себе. С ножом не страшна встреча с одичавшей собакой, не говоря уже о людях…

Любопытство его смешивается с возбуждением. Рисуя себе сцену предполагаемого изнасилования той самой женщины, которая, убегая от насильника, сломала каблук, он уже жалеет о своей несдержанности. Ему уже снова необходима эта невзрачная и худенькая девушка с пресным именем Нина, мягкая и податливая, при помощи которой он вот уже пару месяцев как удовлетворяет свой половой инстинкт. Женщины никогда не поймут, почему их насилуют. Но им и не надо это знать…

Он режет, копает ножом землю довольно долго, то и дело вытирая пот. Он не верит, что найдет под землей что-нибудь интересное, способное удивить его. Он копает для того, чтобы пощекотать себе нервы, чтобы возбудиться до предела, представляя себе неизвестную ему женщину, потерявшую в лесу каблук и пуговицу… Но усталость берет верх, и он, обессиленный, ложится на землю… Однако спустя несколько минут встает и продолжает копать дальше. И наконец солнечный луч выхватывает из разрытой земли фрагмент полуистлевшей голубой ткани. Мужчина смотрит себе под ноги до тех пор, пока ему не приходит в голову, обернув руку носовым платком, попытаться потянуть за край ткани. Часть ее остается в руках, а под слоем земли он видит коричневые волосы, полураспустившуюся косу с пластмассовой – белой с рыжим от ржавчины – заколкой… Дальше за волосами что-то страшное, влажное, кажется, лобовая кость и черные впадины глаз…

Мужчина уже не хочет эту женщину в голубом платье. Липкий пот струится по лицу, перед глазами летают мушки…

Москва, 2000 г. Камера для задержанных
дежурной части отделения милиции
Центрального административного округа

Она сидела здесь уже около двух часов. После того как ее безуспешно пытался допросить следователь, какие-то люди с усталыми лицами, явно смущенные ее благообразным внешним обликом и выпирающим животом, отвели Валентину в камеру для задержанных и оставили одну. В полумраке. В духоте. Она хотела есть и пить. Ребенок требовал положенного ему ужина. Она не знала, сколько ей понадобится времени для того, чтобы привести в порядок мысли и чувства. Об одном человеке мозг отказывался думать – о Леве. Он-то в чем виноват? Представив себе его большое и доброе лицо, она почувствовала, как ребенок внутри ее зашевелился, словно всем своим существом пытаясь внушить ей мысль о том, что она не имела права так поступить с его отцом. А ведь им непременно устроят встречу, Кайтанов сделает все, чтобы увидеть ее. Он разберет это здание по кирпичику, сотрет в порошок каждого, кто посмеет не пустить его к ней. Он сильный, очень сильный. Вот только с ее долгим отсутствием не справится, захиреет, как растение без воды. Она устала думать об этом, ей было больно видеть перед собой выплывающее из сознания лицо мужа, его распахнутые, добрые глаза. Большой ручной зверь, вот кто такой Кайтанов. Это для людей, с которыми ему приходится работать в одной упряжке, он – настоящий зверь, способный одним взглядом подмять под себя раздутых от важности индюков-банкиров, коллег, готовых при любом удобном случае свернуть тебе башку… Прямой, немногословный, основательный, Кайтанов сумел открыть в Москве свой банк и развил за последние полтора года такую активность, что его чуть было не «убрали» конкуренты. Но он и здесь все просчитал, продумал такую комбинацию и выступил с такими предложениями, что работать с ним показалось намного выгоднее, чем его убить. Сейчас, когда Валентина, обхватив колени руками и чувствуя, как в ней бьется другая жизнь, думала об этом, ей казалось, что все это было не с ней и Кайтановым, а с другими мужчиной и женщиной. Уж, во всяком случае, не с той Валентиной, которая находилась сейчас в этой душной и вонючей камере, отмалчиваясь, вместо того чтобы давать показания, на которые сама же и напросилась. Та, прежняя Валентина была частью

Кайтанова, родным ему человеком, его половиной. И пусть она с ним остается. Хотя бы в памяти.

Слезы душили ее. Она снова и снова представляла себе его лицо в тот момент, когда ему скажут о том, что она обвиняется в убийстве. Вернее, скажут, что она сама позвонила в милицию и призналась в том, что убила человека. Но ведь она действительно его убила. И на пистолете – отпечатки ее пальцев. Рано или поздно ее все равно бы нашли. Так уж пусть все начнется сейчас…

Мысли ее медленно перетекли в другое русло, и она увидела перед собой лицо другого мужчины. Выстрел повредил височную часть и залил кровью правый глаз. Крови было так много вокруг, что даже странно, что она вышла из квартиры в белом свитере без единого пятнышка. Удивительно. Следователь задавал ей много вопросов, и почти на все она смогла бы ответить. Но тогда и Кайтанову стало бы известно многое из того, что ему не положено знать. Пусть себе живет в неведении. Разве что придумать легенду… Сочинить страшную историю о преследователе, которого она убила, находясь в шоковом состоянии. Шоковое состояние. А разве то состояние, в котором она сейчас находилась, не являлось шоковым? И разве не шок захлопнул ее челюсти, мешая отвечать на вопросы? Почему она медлит? Почему молчит? Разве это логично: позвонить в милицию, признаться в совершенном убийстве и сказать, где находится труп, после чего дать себя взять под стражу только лишь для того, чтобы несколько часов молчать? Не проще было бы тогда никуда не звонить? Ее бы не нашли. Никому бы и в голову не пришло.

Зачем я позвонила? Затем, чтобы в твоей жизни наступила полная ясность. Ты же всегда стремилась к ясности во всем. Двойная жизнь не для тебя. А еще ты позвонила, чтобы сполна испить всю боль и получить причитающееся тебе наказание. Жаль только, что об этом нельзя рассказать Леве. Он бы понял, конечно, но не смог бы с этим грузом жить. Кожу его пробила бы рвущаяся изнутри наружу жесткая шерсть, серая с подпалинами; зубы заострились бы, а в янтарных маленьких глазах загорелся бы огонь мщения или злобы. Раненым волком он бы умчался в леса и затерялся бы там, сгинул от тоски…

Валентина оглянулась, ей показалось, что в камере она не одна. И она увидела его – он стоял рядом с ней, не Лева, а тот, другой, чья душа теперь будет преследовать ее и мучить до последних ее дней. Он, прислонясь к грязной стене камеры, улыбался, показывая зубы, красивый, спокойный и уверенный в себе – совсем как тогда, когда она с ним только познакомилась. Вот только характер этой улыбки она не успела определить – видение исчезло. *Скажу, что не знаю этого человека. Что он насильно затащил меня к себе и попытался изнасиловать. Мы боролись, у него был пистолет… Потом я сделала вид, что согласна, и, когда он расслабился, схватила со стола пистолет и выстрелила в него. Вот и все. Кайтанов наймет хорошего адвоката, и меня освободят. И что будет потом? Разве возможна жизнь потом? У меня будут тяжелые роды, после которых я умру, оставив Леве сына.*

Послышался лязг, открылась дверь. «К тебе пришли!» – рявкнул грубый женский голос, который вызвал оторопь. Валентина поднялась и, придерживая рукой живот так, словно он мог выскользнуть, упасть на пол и разбиться, как хрустальный шар, медленно вышла из камеры.

Москва, 2000 г. Помещение морга

– Вы знали этого человека?

Кайтанов стоял совсем близко от стола, на котором лежало тело мужчины, которого, по словам следователя и прокурора, убила его жена. Даже мертвый он был стройнее и красивее Левы. Броская, яркая, породистая красота, привлекающая женщин, как аромат цветка привлекает к себе жаждущую сладкого нектара пчелу. Это был совершенный мужчина, и Кайтанов, не раздумывая, отдал бы половину своей жизни – той, что он прожил до встречи с Валентиной, – за то, чтобы иметь такое тело, такую красивую голову, аккуратный нос и

губы, глаза… Сложись все по-другому, Лева подарил бы этого красавчика Вале на день рождения, пусть пользуется, как красивой вещью. От этой мысли ему стало жарко. *Похоже, я совсем потерял голову…*

– Нет, я его не знаю и никогда не видел…

Следователь снова привез его в отделение. Они оба закурили. Кайтанов уже знал, что на пистолете, который был найден рядом с трупом, обнаружены отпечатки пальцев его жены. Плюс е е признание. Получалось, что она действительно убила этого парня. Но за что? По словам следователя, этот мужчина, латыш по фамилии Гордис, проживал в соседнем с ними доме на Цветном бульваре, снимал квартиру около шести месяцев. Хозяйка ничего о нем не знает. По паспорту, найденному в квартире убитого, выходило, что Гордис Юрис Оттович проживает в Латвии, в городе Добуты, которого, как оказалось, и в природе-то не существует. Паспорт – фальшивка. Значит, скорее всего, и Гордис этот тоже фальшивка. Приехал в столицу, снял квартиру… Но зачем приехал и каким образом Валентина оказалась у него? Что у них было общего? Она не могла согласиться пойти с ним лишь потому, что он молод и красив. Она любит его, Кайтанова, кроме того, она ждет от него ребенка. Все, что угодно, но только не это… Она не могла быть любовницей этого парня.

Еще следователь сказал, что его жена молчит. Призналась в убийстве и молчит. Случай неслыханный.

– Видимо, она находится в таком состоянии, что просто не может ничего сказать… – Кайтанов старался разговаривать со следователем спокойно, хотя готов был разорвать его на части только лишь за то, что это его люди защелкнули на ее нежных запястьях наручники и что это по его указанию она сейчас находилась в грязной камере без еды и питья.

– Можно мне увидеться с ней? Я должен поговорить с ней… Моя жена… она беременна, она не могла совершить такое чудовищное преступление… А если и совершила, значит, на это были причины. Самооборона… Вы же понимаете… Думаю, что мне она все расскажет… И еще… – Ему было трудно говорить. – Я бы хотел знать, не тронул ли ее этот… Ее осматривал врач, эксперт? Вы что-нибудь сделали для того, чтобы понять, что же все-таки там произошло? Или вы будете теперь пытать мою жену для дальнейших признаний?

Он сорвался на крик. Он не хотел, но так получилось. Все внутри его клокотало от переполнявших его непонятных чувств. Даже дышать стало тяжело. Он хотел так ударить по столу, чтобы разломить его пополам и чтобы от этого удара, в который он вложил бы всю свою силу и одновременно бессилие, разрушилось и само здание, если не весь город… Во всяком случае, его собственный мир уже разрушился, и он сидел на его обломках, не понимая причины этой катастрофы. Он схватился за голову и до боли сжал ее своими большими ладонями.

– Нет, врач ее еще не осматривал…

– Почему? – Лева сжал зубы. – Почему ее никто не осматривал? Если бы такое случилось с вашей женой, вы тоже не пригласили бы врача? А что, если он бил ее или пытался надругаться над ней? Вы не должны бездействовать!

– Вам надо успокоиться… Я понимаю ваши чувства…

– Пустите меня к ней, нам надо поговорить… Уверен, что она мне все расскажет…

– Хорошо, вы увидите ее, но сначала вы должны ответить мне на некоторые вопросы.

– Я слушаю.

– Не замечали ли вы в последнее время, чтобы ваша жена каким-то образом изменилась? Может, ей кто-нибудь угрожал или ее преследовал? Она ничего такого не говорила? Какой она была: спокойной или нервничала?

– Она была нормальной, спокойной… – Он вдруг понял, что лжет. Лжет неосознанно. Да, она нервничала, он это заметил. У нее даже взгляд изменился и стал каким-то просящим. Боль читалась в глазах. Но поскольку видимых причин для беспокойства у Левы не

было, ведь Валя всегда была дома, практически ни с кем не общалась… Словом, все эти изменения, ее бледность и нервозность, которые замечал в последнее время, он относил к ее беременности. Да, ну конечно, она нервничала, боялась родов, как и всякая нормальная женщина. Но в его объятиях все ее страхи исчезали, а глаза светились счастьем. – Что касается ее нервов, то она боялась родов. Но это же нормально. И ни о каких преследователях она мне ничего не рассказывала.

– Ваша жена часто выходила из дома?

– Каждый день она прогуливалась, обычно ее путь лежал через Неглинную до Большого театра. Иногда подолгу гуляла по Кузнецкому Мосту, ей нравился там книжный магазин, кажется, «Лавка писателя»… За покупками ездил я или же мы с ней вместе… Мы жили спокойно, ее ничто не тревожило…

– Как давно вы с ней в браке?

– Два года. Но официально – год.

– Вы что-нибудь знаете о ее прошлом? Она москвичка?

– Да, – снова солгал он, вспомнив, как не любила Валентина говорить о своем родном Саратове. Он понимал, что за этим что-то стоит. Или кто-то. Но и у него было какое-то прошлое, как и у каждого человека. И если бы она сочла нужным рассказать ему о своей жизни в Саратове, то давно рассказала бы. Она сбежала оттуда в отчаянии, и первым, кто подал ей руку, был Кайтанов. И, быть может, именно благодаря этому прошлому, какой-то неприглядной истории, в которую попала по неопытности Валентина, они и остались вместе?

Он понимал, что уже очень скоро ИМ станет многое о ней известно. И даже, может, больше, чем ему. Достаточно информации из загса, чтобы, выяснив ее девичью фамилию, понять, откуда она родом, и сделать запрос в Саратов. Но пусть этим занимаются ОНИ. И чем позже он что-либо узнает о ее прежней жизни, тем лучше.

– Нет, я ничего такого из ее прошлого не знаю… Она – спокойная, уравновешенная женщина. Очень добрая.

– У нее есть подруги?

– Знаете, она общается с нашей соседкой, но вряд ли это можно назвать дружбой, так, обычные женские разговоры, не более того… Подруг у нее практически нет. Я всегда полагал, что ей хватает моего общества… Хотя мы не так уж и редко приглашаем к себе моих знакомых, это супружеские пары… Бизнесмены, политики, банкиры… Но Валя не очень-то любит эти вечера, ей скучно, я понимаю.

– Но ведь вы, Лев Борисович, занятой человек. Разве вам не приходило в голову, что вашей молодой жене… Кстати, у вас большая разница в возрасте?

– Двадцать с небольшим… Вы хотите сказать, что у моей жены мог быть любовник? Задавайте вопросы прямо, не ходите вокруг да около, – он снова повысил голос.

Он понимал, что следователь, глядя на его большое некрасивое лицо, думает сейчас именно об этом. О потенциальном любовнике Валентины. О том, кто лежит сейчас на столе в морге с разнесенным виском и смотрит в вечность.

– Вы уверены, что у нее никого не было?

– Уверен, – выдохнул он. – Мы вот сейчас с вами говорим, а она где-то там, в камере… Ей надо поесть… А еще я привез ей пакет с вещами. Она должна находиться в тепле. У нее не было любовника. Что вас еще интересует? Она общалась с соседкой, я уже говорил…

– Неужели за ней, такой красивой молодой женщиной, никто не ухаживал?

– У нее есть я, понимаете, я! Да, на нее заглядываются мужчины, но это, поверьте, не раздражает, а наоборот. У нее есть даже официальный ухажер, этакий паж, правда, большой и толстый, который бывает в нашем доме чуть ли не каждый день, но он для нее все равно что мебель… У него даже имени нет человеческого, мы зовем его Иудой.

– Как? Иудой? Но почему? – Следователь заметно оживился. – Почему Иудой?

– Потому что он продался мне за тридцать сребреников, понятно?

– Нет, ничего не понятно…

– Он – превосходный компьютерщик, но я переманил его к себе, положив ему жалованье на тридцать процентов больше, нежели то, которое он получал в прежней конторе… Это была простая игра слов: тридцать процентов, тридцать сребреников… Но какое отношение это может иметь к тому, что произошло с Валентиной? Вот если бы она призналась, что убила Иуду, то я бы понял, о ком идет речь, и начал бы строить версии относительно того, за что и вообще… – Он был возмущен до предела. – Иуда – мебель, домашнее животное, славный парень, большой и кудрявый, любитель поесть и выпить за чужой счет… Он как собачонка увивается за моей женой, и я только рад этому обстоятельству.

– Он влюблен в нее?

– Наверное… Хотя, насколько мне известно, у него баб – прорва…

Вот я и скатился на свой уровень, на свой язык, сорвался и лечу в свое прошлое. Он подумал так потому, что все, что было связано с именем Валентины, не должно быть осквернено грубыми словами, тем более мыслями. Даже если речь идет о таком животном, как Иуда. Кайтанов даже не помнил, какое на самом деле у него имя. Он, этот задумчивый толстяк, появился в его доме почти сразу же, как только он привез в Москву Валентину. Так случилось, что его порекомендовал в качестве личного компьютерного мастера его приятель, Ваэнтруб, у которого Иуда, собственно, и работал. И Иуда приходил к Кайтанову домой несколько раз, чтобы настроить компьютер или запустить новый, заполнив его программами. Это он научил Валентину разным компьютерным играм, они даже стали играть на пару и порой просиживали по нескольку часов кряду, не замечая бега времени… Но надо видеть и знать Иуду, чтобы допустить мысль о возможной измене Валентины с этим неаппетитным и инфантильным парнем.

– Скажите, зачем вы расспрашиваете меня об Иуде? Я могу назвать вам его домашний телефон. Вы встретитесь с ним и сами убедитесь в том, что он никакого отношения к тому, что произошло с нами, не имеет… Пустите меня к ней, я должен с ней поговорить. Она мне все расскажет… Я уверен, что все вскоре разъяснится… Она не могла убить…

– Но вы же сами сказали, что вполне допускаете мысль о том, что она могла убить, но только для этого нужны причины…

– И какие же причины? – Получилось так, что теперь вопрос был задан самим Кайтановым.

– Думаю, что она действительно не могла просто так, без причины застрелить этого Гордиса. Причины… да мало ли их… Он мог домогаться ее, мог шантажировать…

– Шантаж?

– А еще это могло быть связано с вашей, Лев Борисыч, деятельностью…

– Она ничего не знала о моих делах. Все свои бумаги я храню в надежном месте, но только не дома. И если даже кому-то могло понадобиться что-то из моего сейфа, то проще было бы действовать через меня, но только не через Валентину. Я понял бы, если бы ее, предположим, выкрали и просили выкуп, так, как это было с одним моим другом… Ему прислали палец, который отрубили у его малолетнего сынишки… Я сам лично отдал ему половину назначенной суммы, чтобы только спасти мальчика. Слава богу, все закончилось благополучно, милиции даже удалось задержать похитителей, а мне, как это не удивительно, вернули деньги… Нет, то, что произошло, не может быть связано с моей деятельностью, это исключено…

Произнося эти слова, Кайтанов думал о другом. Слово «шантаж» крепко засело в голове. Память плавно перенесла его на залитую солнцем площадку летнего кафе неподалеку от саратовского аэропорта. Он увидел сидящую за столиком девушку, и голова его снова закружилась, как в тот день, в то мгновение, когда она взглянула на него… И если бы ему

тогда сказали, что в этом нежном теле спустя два года зародится новая жизнь и что под этой тонкой кожей забьется сердце маленького Кайтанова, он бы рассмеялся… Девушка была настолько хороша, что самое большее, на что Кайтанов мог рассчитывать, – это равнодушный взгляд, не осквернённый брезгливостью или презрением, которым его окатывали обычно женщины. Она действительно скользнула по его лицу отсутствующим взглядом, после чего устремила его в пространство. Вероятно, мысли ее были слишком далеко, и озабоченность, которая читалась в ее облике, подтолкнула тогда Кайтанова к действию…

Саратов, 1998 г.

Летнее кафе «Панорама» неподалеку от аэропорта

– Вы не знаете, отсюда ходит автобус до железнодорожного вокзала? Или быстрее добраться на такси?

К Валентине, сидящей за столиком в кафе, подошел мужчина, который вот уже с полчаса не сводил с нее восхищенных глаз. Его было трудно не заметить: высокий, нескладный, худощавый, с уродливым лицом, в бежевом костюме с синим галстуком. Он напомнил ей чем-то знаменитого Фернанделя, французского комика. И ей стало почему-то невероятно смешно. Смешно до истерических судорог в горле. И как же тут не смеяться, если уязвимость, написанная на ее лице, стала объектом внимательного наблюдения этого монстра, медленным и неуверенным шагом направляющегося к ней. Словно этот человек на расстоянии внезапно почувствовал, что рядом с ним образовалась некая невидимая, но хорошо ощущаемая брешь, пустое пространство, прежде занимаемое жизнью, надеждами, любовью… Но это были, конечно, призрачные чувства. Он, этот человек, не мог знать, что мужчина, которого она любила, оказался оборотнем. Еще совсем недавно ее рука, затянутая в кружево свадебной перчатки, сжимала локоть того, с кем она собиралась идти по жизни. Все было как в чудесном сне – с маршем Мендельсона, невероятной брачной ночью и простирающимися до бесконечности планами на будущее. Парень, который стал смыслом ее жизни, ее первым мужчиной, на самом деле оказался хрестоматийным подлецом, бабником, преступником, убийцей. Разве после этого можно еще дышать, наслаждаться теплом летнего дня, солнечными лучами и видом распускающихся вокруг цветов? Что делать? Куда идти? История, в которую ее втянули, пахла допросами, грязными тюремными камерами, смертью, которую она бы восприняла как избавление.

Она не помнила, как приехала сюда, на самую высокую площадку города, которую превратили в кафе «Панорама» из-за открывающегося потрясающего вида на весь Саратов. Лишь толстые и низкие каменные стены отделяли посетителей этого кафе от разверзшейся перед ними пропасти – окутанного вечной молочной дымкой города с зелеными проплешинами бульваров и темными артериями улиц. В вечернее время так и хочется вскочить на стену и, взмахнув руками, будто крыльями, взлететь над сияющей громадой города с ровными, жемчужно-бледными бусами уличных фонарей и гигантскими светляками редких, ярко освещенных площадей.

Если бы ее спросили тогда, как она оказалась в этом аэропортовском кафе, где над головами то и дело пролетали птицы-самолеты, гул которых закладывал уши и одновременно вызывал приятные ассоциации с путешествиями и свободой, то она бы не смогла ответить. Возможно, ее толкал в спину инстинкт самосохранения, нашептывающий ей о возможности решить все проблемы разом, купив билет на самолет в один конец, в любую точку планеты. *Пока не поздно. Пока…*

– Что вы сказали? Какой автобус? До какого вокзала?

Он не понимал, этот незнакомец отталкивающего вида, не чувствовал, что коснулся оголенного нерва, электрического провода, что он должен был выбрать для своего простого вопроса другой столик, другую девушку, другого человека, менее погруженного в свои мысли, нежели она, Валентина. Вон сколько вокруг праздных, нарядно одетых людей.

– Извините… – Встретившись с ее растерянным взглядом, он поспешил отойти, но она внезапно передумала.

– Нет, это вы меня извините… Вам надо до вокзала? Здесь ходит восьмой автобус, на нем можно доехать до Московской, а там пересесть на любой троллейбус. Но еще, кажется, есть прямой автобус до вокзала… Вот только номера не знаю.

Говоря о вокзале, она вдруг подумала о том, что напрасно приехала сюда, в аэропорт, что ей проще было бы сесть на поезд, попросившись к проводнику, чтобы без билета, без документов лишний раз не светиться в компьютерной системе железнодорожной информационной службы…

– Знаете что, – вдруг предложила она, не слыша собственного голоса, потому что чувствовала, что теряет последние силы, озвучивая мысли, – мне тоже надо на вокзал, и мы могли бы взять такси на двоих и доехать до вокзала за какие-нибудь десять минут. Хотите?

И тут голос ее предательски дрогнул. Ей захотелось вскочить на стол и закричать так, чтобы он разнесся по всему городу, по всему свету, что она осталась совсем одна, что ее предали, подставили, превратив в мишень для издевательств и унижений. Что она не желает так жить и чтобы ее не осуждали за сделанный ею выбор… И вдруг где-то внутри ее раздался оглушительный хохот – это смеялась другая Валентина, та, которая еще владела рассудком и могла оценить сиюминутную ситуацию. И это была не истерика, а другое, совсем другое… Она вдруг позавидовала этому обезьяноподобному человеку, что у него такое ужасное лицо, такая отвратительная внешность. Ведь, если бы она была так некрасива, вряд ли она вышла бы замуж и за недолгий месяц супружества успела выпить столько яду…

Она проглотила слезы, смахнула несколько прозрачных капель с лица и теперь смотрела на незнакомца, все еще стоявшего перед нею, уже другими глазами.

– Мне нравится ваш костюм, – вдруг сказала она дерзко, с вызовом, не в силах объяснить рвущиеся наружу глупые фразы, – он удивительным образом подходит к вашей загорелой коже… Вы чудесно выглядите. Вам никто не говорил, что вы похожи на Фернанделя?

– Нет, – осторожно ответил мужчина. – Вы – первая. Ваше желтое платье тоже вам идет, хотя кожа у вас не загорелая, как у меня, а белая и… нежная… Вы очень красивы, поверьте… – Ему уже некуда было краснеть, он и без того был пунцовым.

Она вдруг поняла, что он страшно волнуется, произнося эти обычные для уверенного в себе мужчины слова. Вероятно, он не так уж и часто позволяет себе подобные вольности. Он скромен, вдруг сделала она для себя открытие. Его скромность чувствовалась в осанке, в посадке головы, во взгляде. Он не походил на всех тех мужчин, с которыми ей приходилось встречаться раньше. Робость, замешанная на глубинной, могучей силе, и бездна нежности – вот что она испытала по отношению к себе, взглянув ему в глаза.

– Если честно, – вдруг сказал он, неловко присаживаясь рядом с ней за столик, все так же неотрывно продолжая смотреть на ее залитое солнцем лицо, – то мне не нужно на вокзал… Я спросил вас об этом просто так, чтобы услышать ваш голос. Я уже давно наблюдаю за вами. У вас печальное лицо, случилось что? Я могу помочь. Я многое могу и ничего не потребую взамен. Послушайте, я не знаю, что мне нужно сделать, чтобы вы поверили мне и не боялись меня.

– А с чего вы взяли, что я боюсь вас? – прошептала она, тяжело дыша. – Мне уже нечего бояться… Все, что можно было совершить отвратительного, я уже успела совершить. Вот так…

– Я не имею права расспрашивать вас, но могу лишь повторить то, что уже сказал…

– Что именно? Что у меня нежная кожа?

– Я предлагаю вам помощь…

– А что взамен?

– Ничего, – поспешно ответил он. – Самое большее, что вы могли бы мне подарить, – это возможность хотя бы изредка видеть вас. Пусть даже издали… Я косноязычен, извините…

– Но все это пошло, пошло… – Она всхлипнула. – Я не знаю, что мне делать. Дело в том, что я совершила преступление. Не убийство, нет… Я взяла чужие деньги. И много.

Сказав это, она вместо ожидаемого облегчения испытала еще более тяжелое чувство, чем стыд, – почувствовала себя перед этим уродом полным ничтожеством.

– Сколько? – Тон его сразу изменился. Валентина, подняв глаза, увидела перед собой подтянутого, с жестким взглядом человека. Даже плечи его распрямились.

– Три тысячи долларов, – выпалила она. – Я просто украла их, понимаете? Потому что не могла поступить иначе…

– Когда это случилось?

– Позавчера. И мне точно известно, что их еще не хватились. Если бы вы смогли дать мне эту сумму, я бы вернула эти деньги, положила их обратно в сейф… и постепенно, в течение какого-то времени, расплатилась бы с вами. Для вас, для деловых мужчин, это, разумеется, – ноздри ее от непомерной гордыни раздулись, – не сумма… Боже, что я несу…

И она, очнувшись, вскочила и бросилась к выходу. Фернандель за ней. Проявив завидную проворность и быстроту, он догнал ее, схватил за руку. Губы его почти касались ее уха, когда он говорил ей, захлебываясь от переполнявших его чувств:

– Я дам вам эти деньги и даже не спрошу, зачем вы их… позаимствовали. Это ваша жизнь, вы имеете право на свои тайны. У женщины могут быть дети, близкие родственники, которым могла понадобиться помощь, – он словно помогал и ей и себе одновременно оправдать эту кражу, – да мало ли… Даже если то, что вы совершили, каким-то образом связано с криминальным делом, я закрою на это глаза… Только оставьте мне ваши координаты, прошу вас! Ваш номер телефона, адрес, и позвольте мне изредка беспокоить вас редкими телефонными звонками. Я буду счастлив оплатить ваше беспокойство этой суммой… Вы согласны?

– Вы хотели бы, чтобы я стала вашей любовницей? – Решив назвать вещи своими именами, она напряглась в ожидании ответа, но так и не смогла скрыть вложенного в этот вопрос презрения.

– Нет. – Он тряхнул руками и ссутулился, как очень виноватый человек.

– Но тогда что же будет стоять за вашими телефонными звонками? Я должна все знать…

На этот раз он ничего не ответил.

– Тогда и я буду с вами откровенна: у меня нет другого выбора. И я приму от вас деньги. Таким образом мне удастся хотя бы избежать тюрьмы. Хочу только объяснить, чтобы вы не подумали о том, что я конченая личность, что если бы у меня была возможность занять эту сумму раньше, то я не совершила бы этой постыдной кражи… Вы понимаете меня? Вы слышите меня?

– Безусловно, да, конечно. – Он пришел в движение, словно оживший механизм, и глаза его заблестели от смутного предвкушения: – Я понимаю, что три тысячи долларов для одних – не деньги, а для других – невероятная сумма… Больше того, я готов подарить их вам прямо сейчас, здесь, надо только куда-нибудь отойти от посторонних глаз… И вам не придется испытывать унижение, сопровождая меня в гостиницу или куда там еще… Извините, что я говорю так сумбурно… Вы удивитесь, но даже в том случае… – на лбу его выступили крупные капли пота, – даже если вы обманете и напишете мне неверный адрес или телефон, я все равно буду счастлив, что помог вам… Я не злодей, не насильник, я не хочу покупать вас. Но когда я смотрю на вас, у меня кружится голова… Я не владею собой. Я бы не хотел подбирать определение этому чувству, но я несказанно благодарен судьбе за то, что она свела

нас вместе… Это звучит абсурдно, но, быть может, это бог послал мне вас? – Он все-таки нашел ее руку, сжал ее.

Они стояли на дорожке, соединявшей площадку кафе с небольшим аккуратным розарием, окруженным кустами акации.

Так не бывает, или этот мужчина сумасшедший. Три тысячи долларов – целый капитал. И если случится так, что он мне их даст, я буду благодарна ему за них до конца своих дней…

– Я оставлю вам все свои телефоны в Москве… и адрес, разумеется… Вы можете звонить мне в любое время дня и ночи. Если трубку возьму не я, назовитесь… Кстати, как вас зовут?

– Валентина.

– Чудесно… Валентина, вы позвоните мне?

Он увлек ее в тень, на скамью под кустами акации. Достал из кармана костюма деньги – доллары, перетянутые розовой резинкой, – и, не считая, вложил тугой бумажный цилиндр в ее горячую ладонь.

– Вот, возьмите, тут гораздо больше. Я все равно улетаю через час, мне они здесь уже не понадобятся.

– Они… настоящие? – Вопрос вылетел прежде, чем она осознала, какую глупость сморозила.

И тут он улыбнулся. Так замечательно улыбнулся, что у Валентины дрогнуло сердце. Так может улыбаться только счастливый человек. Счастливый оттого, что облагодетельствовал существо более несчастное, чем совсем недавно был сам. Он не мог лгать. Он на самом деле решил выручить ее. Бескорыстно. Пока бескорыстно. *А что будет потом?*

Она, опустив голову, вдруг порывистым, благодарным движением прижалась к нему, обняла и поцеловала куда-то между ухом и щекой. Вдохнула аромат акации вместе с жарким, горьковатым запахом мужского одеколона и почувствовала вдруг, как весь навалившийся на нее кошмар в одно мгновение превратился в мирно цветущую благоухающую розовую клумбу…

Москва, 2000 г.

Дежурная часть отделения милиции

Центрального административного округа

– Валя, что случилось?.. – Лева крепко обнял ее своими большими руками и усадил на жесткий стул. В комнате следователя они были вдвоем. Это свидание было щедро оплачено Кайтановым, как будут оплачены и следующие встречи и посылки, которых она не увидит. – Кто этот человек, которого застрелили? Ведь это же не ты? Не ты?

Валентина, закрыв лицо руками, разрыдалась. Она боялась, что из-за слез ей не удастся сказать ему ни слова. Но в груди пекло и саднило, а глаза уже ничего не видели. За какие-то несколько секунд она лишила заслуженного и тихого счастья троих существ: Леву, неродившегося ребенка и себя. Не будет теперь ни ласковых кайтановских рук, ни его нежной заботы, ни его бурного проявления страсти, ничего… Не будет, наверное, и ребенка.

– Это я его убила, – сказала она, высморкавшись и отдышавшись, собрав последние силы. – Он, видимо, следил за мной, знал, в какие часы я гуляю и когда прохожу мимо его дома… Он затащил меня туда, в подъезд, на улице как раз никого не было, затем в лифт, а оттуда в квартиру, дверь которой была уже открыта. Он знал, что затащит меня… Он ждал, готовился. Мы боролись. Он хотел меня, он – больной человек, он говорил что-то о моем животе, о том, что он его возбуждает… Но пистолет он направил на меня первый. И я поняла, что надо соглашаться. Лева, я понимаю, что тебе больно это слышать, но я сказала ему: да. Мне надо было выиграть время. Я даже расстегнула комбинезон, сняла вот этот свитер, и

когда увидела, что пистолет лежит на столе, а руки его возятся с ремнем на брюках, схватила оружие и выстрелила в него… Почти не глядя. Два раза…

Он понял, что она говорит правду, – следователь сказал, что в стене имеется отверстие от пули, найденной на полу…

– Тогда почему же ты это не рассказала следователю?

– Не знаю, я вообще ничего не понимала…

– Ведь ты же действовала в целях самообороны. Ты – беременная женщина, тебя затащили в подъезд и под дулом пистолета заставили раздеваться… Да я найму тебе лучших адвокатов, я сделаю все, чтобы тебя только выпустили отсюда… Ты голодна? Как себя чувствуешь, Валя?

– Хорошо. Я нормально себя чувствую. И с ребенком все хорошо. Ты не переживай…

Она говорила не сама. Инстинкт самосохранения диктовал ей слова, фразы. Второй раз в жизни она забрела в тупик, и рядом снова был Лева Кайтанов. Но если в первый раз все было куда проще, ведь она успела вовремя вернуть и положить в сейф украденные из своей же конторы, где она работала бухгалтером, деньги, то сегодняшнее ее положение было, по ее мнению, безвыходным. Ее осудят, дадут срок, и рожать она будет в тюрьме.

– Ответь мне на один вопрос. – Лева придвинулся к ней почти вплотную. – Зачем ты призналась?

Она не знала, что ему ответить. Правду? Он никогда не простит ее и всю оставшуюся жизнь, уже без нее, с тоской будет прокручивать лишь самые мрачные кадры из их совместной жизни. И вряд ли поверит в то, что ребенок, которого она носила под сердцем, был его ребенком. И как может Кайтанов, с его жестким характером, смириться с тем, что он последние полгода делил свою жену с другим мужчиной! У его любимой Валентины два мужа? Две семьи? Два хозяйства? Два… супружеских ложа? Она и сама до сих пор не могла прийти в себя от того двойного образа жизни, который ей приходилось вести, обманывая Леву. Но и бросить своего первого мужа в том состоянии, в котором он находился, тоже не могла. Смерть Либина, Сергея Либина, скрывающегося под именем Юрис Гордис, все расставила бы наконец по своим местам и вернула бы Валентину в семью, где ее мужем был Кайтанов, но лишь в одном случае – если бы смерть Сергея была естественной. Но выстрел в висок – насилие в последней, необратимой его стадии. И виновный – *в моем лице*– должен непременно понести наказание. Сергей был молод, он мог бы еще долго прожить и рано или поздно устроить свою жизнь…

Теперь же, когда она, стараясь не смотреть Кайтанову в глаза, назвала Либина психически больным человеком, способным возбудиться от одного вида большого живота беременной женщины, она поняла, что убила Сергея дважды. Один раз – физически, другой – своим предательством. И все ради запоздало пришедшего к ней чувства раскаяния в содеянном… Только теперь, когда мысли ее обрели логику молодой и здоровой женщины, ожидавшей ребенка, она начала успокаивать себя тем, что предала Сергея ради новой жизни, ради ребенка, который должен родиться.

Кайтанов принес ей теплые вещи, продукты и деньги.

– Подожди совсем немного, и я освобожу вас отсюда… Я сделаю все возможное… – Последние слова прозвучали как клятва, вызывая у Валентины болезненный озноб и мурашки. – И еще… Я понимаю, конечно, что вопрос идиотский, но все-таки… он ничего не сделал с тобой?

– Нет, – порозовела она от стыда. – Не успел.

– Валя… – Кайтанов набрал побольше воздуха: – Валентина, ты сильная женщина… Скажи мне, пожалуйста, тебя не заставили сделать это признание? Может, это из-за меня? Молчи, дай сказать. Так вот, если тебе кто пригрозил, скажи сразу, чтобы адвокатам было легче тебя защищать.

– Нет, Лева, ничего такого не было… И ты здесь ни при чем.

– Я слишком хорошо тебя знаю. Тебя могли шантажировать жизнью и здоровьем ребенка. Причин может быть много. Но если ты говоришь правду, то, возможно, уже завтра выйдешь отсюда… Валя, – он погладил ее по голове, как маленькую, – и не молчи, когда тебя вызовет следователь. Следователи – они тоже люди. Не надо их злить. Ты понимаешь меня?

Валентина понимала, что Кайтанов, стараясь говорить с ней ласково, как муж, в то же самое время невольно сбивался на деловой, сухой тон. Вот и сейчас, думая о предстоящем допросе, он советовал ей выложить всю правду.

Правду? Да если я скажу правду, то длина цепочки, что потянется за этим делом, будет как раз равна петле вокруг моей шеи…

– Да. Лева… я все поняла. Ты иди, я больше не могу… Мне трудно… – Слезы снова подступили, и она закрыла лицо руками.

– Подожди! – вдруг почти выкрикнул он, вспомнив свой разговор со следователем. – А это убийство не могло быть связано с теми… тремя тысячами долларов, которые ты когда-то давно взяла у кого-то, не помню? Я понимаю, конечно, что сумма ничтожная, но мало ли… Что, если кто-то попытался затронуть твое самолюбие, честь, я же до сих пор не знаю, зачем тебе понадобились тогда эти деньги. Кажется, ты их взяла в кассе… Тебя не шантажировали?

– Нет, все это полная чушь… Деньги я вернула, мне элементарно надо было расплатиться с текущими долгами…

– Ну, хорошо, не буду тебя больше мучить. Там, в пакете, в коробке печенья безобидные успокоительные таблетки, кажется, валериана… Выпей, успокойся. Ты защищала нашего ребенка, а потому тебя оправдают. Жаль, что я не могу убить этого подонка еще раз… – И он, устремив взгляд мимо Валентины, заметно побледнел.

Глава 2

Саратов, 1998 г.

Вера Обухова проснулась поздно и, не открывая глаз, выпростала руку из-под одеяла, чтобы нажать на клавишу магнитофона. В квартире тотчас зазвучала популярная попсовая песенка, ломая сладкую, еще пропитанную последними обрывками сна тишину. Тяжелые, словно проникающие внутрь тела, удары сотрясали стены. Но только так можно было заставить себя разлепить веки, сорвать с тела последние покровы и встать под теплый душ. Читая дешевые романы и встречая там сцены пробуждения героинь, которые с утра пораньше лезли под холодный душ, Вера не понимала подобного проявления мазохизма. В ее представлении, идеальным средством поднять дух и укрепить здоровье являлось именно тепло – горячая вода, теплое помещение, пуховые одеяла и перины и вообще все, что было связано с теплом. «Я тропическое растение», – заявляла она всем своим знакомым мужского пола, с которыми рано или поздно оказывалась в постели. И как бы в подтверждение этому всякий раз демонстрировала, приоголив тело, свою изумительную бело-розовую тонкую кожу, напоминающую, как ей казалось, своей шелковистостью лепестки цветов. Мужчинам нравилось бывать у Веры дома, где она, заранее оговорив сумму, позволяла им практически все, начиная с традиционных любовных игр и кончая весьма изощренным сексом. Узкий круг мужчин, которых принимала Вера, постепенно расширялся. Но денег почему-то в ее копилке – ангеле из полого баварского фарфора с отбитым носом – не прибавлялось. Много уходило на одежду, косметику, духи и выпивку, не говоря уже о коммунальных платежах, о покупке лекарств (Вера часто простужалась, принимала пачками витамины и укрепляющие бальзамы) и продуктов. Мужчины, остающиеся у нее на ночь, привыкли к тому, чтобы перед тем, как лечь в постель, Вера кормила их сытным ужином. Учитывая же цены на рынке, где она покупала продукты, чтобы приготовить любовнику ужин, получалось, что чуть ли не половина «гонорара» уходит именно на еду (выпивку и конфеты приносил, как правило, мужчина). Повышать же свои расценки она боялась – клиенты и так жаловались, что визиты к ней обходятся им недешево и сильно отражаются на семейном бюджете. К слову сказать, у Веры были преимущественно женатые любовники.

Иногда, когда к одному ее знакомому бизнесмену из деревень в город приезжали фермеры, ей приходилось обслуживать сразу двоих, а то и троих клиентов. Это были крестьянского типа мужчины, но все же не совсем крестьяне, они отличались от простых работяг чистотой и мужской силой. Вероятно, свежий степной воздух, натуральные продукты и наличие денег позволяли им развиваться свободно, как диким животным в их естественной среде обитания. Это были неутомимые любовники, после ночи с которыми Вере приходилось целые сутки приходить в себя, отсыпаться… Зато после их отъезда оставалось много копченого мяса и сала, колбас, топленого масла и прочих деревенских разносолов. Кроме того, копилка пополнялась настолько, что можно было пачечку хрустящих банкнот отнести в ближайший сбербанк и положить на свой счет.

Редко, очень редко Вера позволяла себе не работать. В такие дни, которые она про себя называла затишьем, она просто валялась в постели, тупо уставясь в экран телевизора, вставая лишь для того, чтобы переставить видеокассету, принести или отнести поднос с едой, да в туалет.

Подружек всех своих она не любила, не привечала, завидовала их замужней жизни, их гарантированному достатку, выражавшемуся в зарплате крепко стоящих на ногах мужей. Быть может, в отместку или по воле случая со многими из этих мужей заводила романы, а после бурно проведенной ночи с одним из таких любовников встречалась с его женой, своей подругой, и жаловалась на одиночество. Ей было любопытно понаблюдать за тем, как

подружка стремится показать ей, одинокой и никому не нужной женщине, свое сострадание, как зовет в гости или предлагает купить у нее по бросовой цене какое-нибудь вышедшее из моды платье. «А твой-то как, не изменяет тебе?» – спрашивала ее Вера, затаив дыхание и зная наперед ответ: «Нет, ты что?! У него на другую и не встанет… Скажешь тоже… Живем нормально, не жалуюсь. Заботливый, внимательный, детей любит. Все хорошо, вот только в баню с друзьями зачастил, иногда под утро приходит. Но я с понятием: он же дела там решает. У них сейчас так принято – где баня и водочка, там и разговор». Вера, слушая подобный бред, откровенно скучала. Она, переспавшая почти со всеми мужьями своих подруг и удовлетворяя таким образом свое женское самолюбие, одновременно проверяя на них свою неотразимость, так и не решила для себя, чего же ей больше всего на свете хочется – обладать всеми мужчинами на свете и жить за их счет или же угомониться, выйти замуж и зажить спокойной и размеренной семейной жизнью. Скорее всего, второе. Но разве можно после такой свободной жизни, какую она вела и к какой привыкла, жить с одним-единственным мужчиной – супругом и во всем доверять ему, если перед ее глазами прошло уже целое стадо неверных мужей, жены которых уверены в их честности и порядочности? Да она от ревности с ума сойдет, прежде чем ощутит сполна все преимущества семейного очага.

Иногда, смертельно уставшая и больная после изнурительной ночи, Вера наутро, глядя на себя в зеркало и вспоминая подробности последних десяти часов, рыдала до одури, до икоты, до тошноты, не в силах остановиться. У нее начинался истерический припадок, во время которого она хлестала себя по щекам, по осквернённым губам, щипала бедра и царапала грудь – до того она ненавидела себя, продававшуюся зажравшимся мужикам почти задаром, ублажая их своим унижением. В такие минуты она проникалась ко всем своим клиентам таким отвращением, что, будь у нее возможность выплеснуть ее на одного из них, мужчина захлебнулся бы ядом ее злобы и ненависти. Ни ароматические ванны, ни кремы и мази, ничто, казалось, не могло вытравить с ее кожи, словно намертво покрытой липкой смазкой, специфический запах мужских тел. И вот чтобы выбраться из этой смердящей жижи своих ощущений и воспоминаний, Вера звонила своей единственной близкой подруге – Любе Гороховой и напрашивалась к ней в гости. Люба, ровным счетом ничего не делая и не обладая никакими сверхъестественными способностями, очень быстро приводила ее в чувство, и от нее Вера уходила уже другим, обновленным человеком. И секрет подобных визитов был настолько прост, что, расскажи Вера кому об этом откровенно, ее мало кто понял бы. А дело было в том, что Вере важно было почувствовать рядом с собой существо более ущербное и униженное, нежели она сама. Даже несмотря на то, что сама Люба об этом и не подозревала.

Люба Горохова зарабатывала себе на жизнь тем, что убирала в чужих домах и, если представлялся случай, удовлетворяла половые инстинкты как хозяев, так и их гостей. Но делала это за дешевые подарки – за банку крема, бутылку вина, коробку конфет. Люба, приехавшая в Саратов из Перелюба, вот уже более пяти лет снимала комнатку у пенсионерки Елены Андреевны и никогда даже не мечтала о том, чтобы приобрести себе в городе собственный угол. Она относилась к той породе людей, которые четко знают свое место в этом мире. Люба была уверена, что бог создал ее и подарил ей жизнь лишь для того, чтобы она мыла полы, стояла у плиты и удовлетворяла мужчин. И радовалась каждому рублю как ребенок. Вера и познакомилась-то с Любой как с домработницей, которую ей порекомендовал один из ее клиентов. И если поначалу Вера испытывала к этой совсем чужой ей деревенской девушке с рыжими волосами и лицом, усыпанным коричневыми веснушками, лишь презрение, то постепенно в ее душе появилось чувство, похожее на родственное. Так тепло она могла бы относиться, скажем, к своей сестре, которой у нее никогда не было. Ей нравилось, что Люба выкладывается на работе и считает это нормой. Иногда, следя за тем, как она моет полы или вытирает пыль, она испытывала приятное и какое-то зудящее чувство, переходя-

щее в блаженное оцепенение. Люба водила влажной тряпкой по паркету, а Вере казалось, что эта симпатичная рыжуля поглаживает ей спину между лопатками. Быть может, это происходило оттого, что Люба от природы была наделена плавными движениями и была ласковым, мягким и добрым человеком. И хотя Люба проработала у Веры недолго, всего-то месяц (она отказалась от домработницы в принципе, чтобы не сковывать себя в ее присутствии в телефонных разговорах и не отказывать клиентам в дневное время), это не помешало им в дальнейшем перезваниваться, видеться, дружить. Вере доставляло удовольствие подкармливать Любу, дарить ей свои вещи и даже одалживать деньги. На фоне Любы жизнь Веры представлялась совсем в другом свете; присутствие в ее жизни такой удивительно неприхотливой девушки возвышало ее в собственных глазах и поднимало на уровень эдакой удачливой городской богатенькой барыньки, ведшей вольную и сладкую жизнь. Такой ее воспринимала Люба, и такой бы хотела видеть себя и сама Вера. Поэтому-то, навещая Любу в ее темном углу в крохотной комнатке у Елены Андреевны, мрачнейшей тетки, недовольной всем на свете и заставляющей Любу убираться еще и у нее (и это не считая довольно высокой платы, которую она брала с Любы), Вера испытывала настоящее облегчение: ну вот, я-то, оказывается, живу еще более-менее – не то что эта, убогая… Любе же льстили ее визиты, она готовилась к ним, заваривала чай, ставила рюмки на маленький круглый стол, нарезала колбаску и ждала звонка в дверь, чтобы впустить в свою жизнь эту хорошо пахнущую и красивую Верочку Обухову, хозяйку по жизни…

Но однажды в жизни Любы произошли крупные перемены – она нашла себе богатого хозяина и, вместо того чтобы убираться в нескольких квартирах, теперь ходила только к нему. Миша Николаиди, красивый богатый холостяк тридцати лет, единственный из всех, кто смог оценить по-настоящему Любин каторжный труд, стал платить ей столько, сколько ей и не снилось. Вера, узнав об этом, вместо того чтобы расстроиться по этому поводу (она достаточно хорошо знала свою натуру и понимала, что повышение Любиного социального или даже всего лишь денежного статуса понизит ее собственный), почему-то порадовалась за нее. Хотя нехорошие, подлые мысли все равно полезли в голову, но связаны они были как раз с Мишей Николаиди: положив Любе столь высокое жалованье, он, скорее всего, рассчитывал и на другие услуги, которые она, не пикнув, будет ему оказывать. Вера даже произнесла это вслух, не боясь обидеть подружку или даже испортить ей настроение, потому как знала, что Люба воспримет эти слова как дружеское предостережение, проявление заботы. «Подумаешь, он такой красивый, высокий, мне и не таким приходилось делать…» Значит, она знала, на что соглашается. Но на деле вышло не совсем так, как думала Вера. Миша первое время ее даже пальцем не трогал, словно присматривался к ней, продолжая вести свой обычный образ жизни: работа и женщины, которых он выпроваживал на ночь, вызывая такси… Их сближение произошло более естественным образом, когда Миша заболел и Любе пришлось выхаживать его после тяжкого гриппа. В то время она почти жила у него, по-матерински нежно и настойчиво заставляя его проделывать неприятные лечебные процедуры, пить литрами теплые и противные на вкус травяные отвары, дышать над паром и прочее… Вот тогда-то, чтобы каким-то образом обозначить свое выздоровление и доказать себе и, быть может, Любе, что он почти здоров, Миша Николаиди затащил свою домработницу в постель и не выпускал целые сутки. Но потом куда-то уехал на месяц, а по возвращении вел себя как и прежде, лишь изредка позволяя себе подобное. Он не знал, что втайне от него Люба сделала аборт, потратив на обезболивание почти все, что к тому времени накопила. В больнице, куда она обратилась, дрожа от страха перед операцией, какие-то злые люди сориентировали ее на сумму на порядок выше существующей. А поскольку у Любы это был первый аборт, она отдала все свои деньги, чтобы только не чувствовать боли. Причем отдала вперед, еще не зная, проснется ли после калипсола.

…Под теплым душем Вера просыпалась медленно, обливаясь розовым жидким мылом и думая о том, что все-таки утро – это не так уж и плохо, особенно если ты выспалась и восстановила силы. Звонок по телефону прервал ее приятное занятие, и она, накинув на себя полотенце, побежала, оставляя на паркете мокрые следы, на кухню, где оставила телефон. Звонила Люба. Страшно смущаясь и даже немного заикаясь, она спрашивала, не подскажет ли ей Вера, как делать форшмак и сколько орехов кладут в сациви. Дело в том, что Миша ждет гостей и просит ее приготовить что-нибудь необычное, вкусное. Еще он говорил что-то про омлет, но уж его-то готовить проще простого, были бы яйца да мука… Вера была немного раздосадована тем, что звонил не клиент, которого она ждала к вечеру, обещавший уточнить время свидания, а всего лишь глупышка Люба, ни разу в жизни не готовившая форшмак. Тем не менее она снисходительно объяснила ей, что к чему, и спросила на всякий случай, кого это решил пригласить к себе Николаиди. Оказалось, что друзья детства решили устроить небольшой мальчишник. Любе же проще – не надо готовить сладкое. Всплыла, конечно, у Веры в голове мысль о том, что было бы неплохо появиться там как бы ненароком, сделав вид, что забежала к Любе на минутку, за ключами или какой другой безделицей, чтобы и самой увидеть друзей Миши и чтобы на нее, разодетую в пух и прах, обратили внимание и оценили, а может, и пригласили в свою мужскую компанию. А вдруг там она встретила бы свою судьбу, настоящего мужчину, за которого можно было бы выйти наконец замуж и угомониться? Но потом, подумав немного, решила не искушать себя и аккуратненько свернуть разговор с разболтавшейся Любой, чтобы окончательно не замерзнуть, стоя голышом и босиком на сквозняке. Последние слова, которые она тогда сказала, обращаясь к Любе, были: «Будь вечером дома, я тебе перезвоню. Если у меня планы изменятся, то сходим с тобой в кино». Разве Вера могла знать, что больше уже никогда не услышит ее голос?..

Москва, 2000 г.

Дежурная часть отделения милиции

Центрального административного округа

Валентина медленно приходила в себя и заставляла себя поверить в реальность происходящего. Она уже устала зажмуриваться в надежде, что, раскрыв глаза, увидит себя в привычных уютных домашних условиях. Но тем не менее эта игра приносила ей заметное облегчение. Она забывалась в коротких снах, спасавших ее от кошмаров и страхов, и тогда ей казалось, что она дома, сидит на широком диване, покрытом оранжевым пледом, но не одна, а почему-то с Иудой, улыбающимся мокрыми толстыми губами Иудой, следящим за перемещением карт… Они часто играли с ним в карты или вдвоем мчались на колоссальной скорости на ярких компьютерных иномарках, не боясь разбиться о скользящие стены фиолетовых ночных туннелей, о кирпичные красные бордюры улиц виртуальных городов… Даже после ухода Иуды, когда они с Кайтановым засыпали, прижавшись друг к другу, ее преследовал воюще-трубный, моторный звук автомобилей и даже липкие, пристающие к языку фразы-словечки типа «счас я тебя урою», «зашибу», «вот я тебя и прижал к стенке», «глядикось, вырвалась, в натуре», «вон та желтенькая «Мазда»-хрюзда – это ты»… Лева считал эти совместные игры вредными для ребенка, на что Валентина легкомысленно отвечала, что мальчик вырастет автомобилистом. Она и сама не могла объяснить, как это случилось, что Иуда, взрослый, в общем-то, мужчина, стал неотъемлемой частью ее дневной жизни. Она словно обрела потерянного на долгие годы друга детства и теперь наверстывала с ним все детские игры, считая это вполне нормальным заполнением досуга. Ведь Кайтанова подолгу не бывало дома, особенно первый год их совместной жизни. Но поначалу Валя радовалась этому, потому что ей требовалось время, чтобы привыкнуть к нему и даже научиться по нему скучать. Эти тянущиеся в пустой и тихой квартире дни оказались хорошей терапией ее нарождавшейся любви к Кайтанову. Слоняясь по квартире и представляя себе их вечернюю встречу, она настраивала себя на близость, на то, что рано или поздно должно стать неотъем-

лемой частью их супружеской жизни, и ей это стало удаваться. Ожидая Леву, она рисовала в своем воображении сцены, в которых некрасивый и даже страшный Кайтанов насилует ее в темной спальне, как изголодавшийся и молчаливый зверь, и эти фантазии приводили ее даже в какое-то исступление, вызывая желание. В реальности же все оказывалось острее и ярче представленного – Кайтанов в полумраке комнаты казался ей еще более уродливым и даже злым, как и подобает быть зверю. Но спустя несколько месяцев после ее приезда в Москву, после ее – на первых порах жертвенного – поступка, вызванного решимостью отблагодарить этого удивительного человека за все то, что он сделал для нее там, в Саратове, в кафе, дав ей пачку долларов, ее отношение к Леве изменилось. И на смену животному инстинкту, распаляемому ее фантазиями и необычностью ситуации, в которой она оказалась, сбежав от своей прежней жизни, пришло настоящее чувство, не нуждающееся уже ни в каких психологических допингах. Она незаметно для себя стала частью Кайтанова, и его лицо вызывало в ней лишь трепет любящей женщины. И он чувствовал это, когда она целовала его лицо, когда ее глаза туманились желанием или наполнялись слезами благодарности и счастья. Ледяная корка, в которой билось ее измученное сердце, оттаяла. Прошлое этой талой кровью просочилось сквозь сознание, не задерживаясь, и Валентина решила подарить Кайтанову ребенка.

Иуда, появившись в их доме в первый раз, когда его прислал к ним Ваэнтруб, чтобы настроить новый компьютер, смотрел на нее так, словно после жизни в лесу он оказался в портретном зале Третьяковки – он не спускал с Валентины глаз… Понятное дело, что он влюбился. И хотя любовь его была как бы игрой, где было много места для шуток, общего интереса к компьютерным играм, откровенных бесед со стороны Иуды о своих уже реальных псевдолюбовных похождениях, но все равно Валя чувствовала рядом мужчину, готового в любую минуту доказать ей свое вполне конкретное чувство, пусть даже оно ограничивается рамками естественного влечения. Так случилось, что уже очень скоро она привыкла к его приходам в качестве компьютерщика-учителя, терпеливо объяснявшего ей смысл каждой клавиши, а впоследствии даже окунувшего ее с головой в дебри сложной терминологии и основных принципов работы «железа». «Чайник» в лице Валентины делал большие успехи и уже мог бы сам справляться с несложными входами и выходами из игр. Но ей почему-то было жаль потерять Иуду – веселого и остроумного партнера по этим же играм и интересного собеседника. И Кайтанов, выслушав ее, согласился с тем, чтобы Иуда навещал ее уже просто так, независимо от компьютера. Он настолько доверял ей, что не мог и мысли допустить о каких-то других отношениях, которые могли бы связывать его жену с этим большим кудрявым толстяком, скрашивающим ее дневное одиночество. Он не видел в этом ничего предосудительного, ничего дурного, хотя, если бы ему кто-нибудь из посторонних рассказал о таком «друге дома», он, не задумываясь, предположил бы наличие сексуальных игр между компьютерщиком и молодой женщиной. Тем более что формула отношений между мужчиной и женщиной, при которой внешность мужчины не играет никакой роли (он уже успел испытать это на себе), как нельзя лучше могла бы подойти и к Вале с Иудой.

Иуда стал приходить к Вале почти каждый день. Кайтанов напрасно называл его «мебелью», Иуда обладал завидным интеллектом, и беседовать с ним можно было на самые разные темы. Но больше всего Валентину забавляли рассказы о его любовных похождениях, о девушках, с которыми он встречался и которые все как одна требовали от него денег. «Если спросить всех этих самочек, что им больше хочется – секса или денег, то девяносто девять процентов ответят в пользу «зеленых», – сокрушался, качая своей круглой кудрявой головой, Иуда. – А я ведь половой гигант, я многое умею, и деньги в жизни не самое главное…» Свои рассказы он сдабривал солеными словечками, щедро сыпал современным подростковым сленгом и от души хохотал над своими же незадачливыми похождениями, сравнивая себя с Ламме Гудзаком. Почти всегда его бросали. И редко когда он сам давал понять своей очередной девушке, что не собирается больше встречаться с ней. Короче, этакий современ-

ный Казанова с той лишь разницей, что Казанова имел привлекательную внешность, а Иуда был «жирная бочка родила сыночка», как он сам себя обычно называл…

Полнота Иуды была не случайной. Этот большой тридцатилетний мальчик был классическим обжорой. Но ел не все подряд. Делая культ из еды, стремясь получить наслаждение от принятия пищи, он сам готовил и даже научил кое-чему Валентину. К продуктам он относился с трепетом, наделяя кочан капусты или копченый окорок такими эпитетами, каким позавидовал бы и Шарль Де Костер. Отказавшись еще в самом начале жизни с Кайтановым от домработницы, Валентина все делала по дому сама, но постепенно в приготовлении еды стал активнейшее участие принимать Иуда. Ему поручалась самая грязная и утомительная работа – чистить овощи, отбивать мясо и мыть посуду. Совместными усилиями была собрана неплохая библиотека по кулинарии, и Валентина очень скоро наряду с компьютерными премудростями познакомилась и с основными принципами и правилами готовки.

Понятное дело, что Иуда обедал у них, но к приходу Кайтанова и духа его уже не было в их доме. Он во всем знал меру, кроме еды, с улыбкой думала о нем Валентина, вспоминая каждый прошедший день, заполненный до предела их совместными с Иудой делами и играми. С Кайтановым они о нем не говорили – у них были темы поважнее и поинтереснее этой.

Сейчас, сидя на жестком стуле в камере, Валентина, вспомнив внезапно лоснящееся розовое лицо Иуды, его кудри и хитрые глаза, вдруг ущипнула себя за руку и даже вскрикнула от боли. Нет, это не сон, она здесь, в камере, одна, ее посадят в тюрьму, и никогда уже больше она не сможет жить той райской жизнью, которой она жила с Кайтановым и с Иудой… Она опустилась на такую низкую ступень, что поднять теперь ее отсюда наверх сможет только чудо или смерть, когда она вознесется… И все из-за кого? Из-за человека, не способного в свое время доказать свою невиновность, человека слабого и слишком порядочного по отношению даже к самому себе… Да разве можно в этой стране защищаться законными методами? *Здесь можно только умереть – этого права никто не посмеет у меня отнять…*

Она закричала. Она хотела какого-то действия, поступка, реакции следователя на ее слова. Она будет паинькой и все расскажет ему про соседа-маньяка, напавшего на нее с целью изнасиловать, а может, и убить. Она будет защищаться до конца. И спасет своего ребенка, и Кайтанова, и свою жизнь. Либин не стоит таких жертв, которые она уже принесла к его холодным, мертвым ногам. Смерть никуда не уйдет, она всегда здесь, рядом, стоит только решиться. А вот жизнь впереди прекрасная, на удивление…

– Скажите следователю, что я готова ему все рассказать. Мне уже лучше. Ты слышишь, что я тебе сказала, старая корова?

Ее бросило в пот от последней грубости, она увидела, как женщина в форме, появившись на пороге камеры с ключами в руках, побледнела и глаза ее словно превратились в черные неподвижные блестящие камни.

– И попробуй только дотронуться до меня или моего ребенка пальцем – мой муж сделает так, что вместо костей у тебя будет дробленка, каша… Я не шучу… Веди к следователю и не смей касаться меня своими грязными лапами…

Как ни странно, но ее слова произвели впечатление на женщину в форме – пыхтя и отдуваясь от злости, та вывела ее из камеры, даже не надев наручников…

Москва, 2000 г.

Адвокатское бюро «Шапиро и партнеры»

Кайтанов сразу из милиции поехал к своему другу, адвокату Захару Шапиро. План, который родился в его голове, пока он разговаривал с Валентиной, был неблагоразумен, опасен, но сулил им обоим пусть сомнительное, но все же счастье находящихся в бегах преступников. Да, он был готов пожертвовать всей своей жизнью и карьерой, всем своим буду-

щим (без Валентины оно все равно бы потеряло всякий смысл), лишь бы быть с ней вместе и присутствовать при рождении своего первого и, как ему теперь казалось, единственного сына. Они купят фальшивые паспорта, уедут за границу, и их никто и никогда в жизни не разыщет. Он не верил в справедливый суд, в возможность выбраться из этой странной и страшной истории посредством одних лишь усилий адвокатов и порядочности судьи. Он верил только в свою любовь, в свои деньги, которые как раз и помогут ему сохранить эту любовь в живых. Он с содроганием думал о том, что ждет Валентину в том случае, если она окажется в российской тюрьме со всеми ее законами и правилами. Не ощутив реальной помощи от мужа, то есть от него, от Кайтанова, она примет самое беспроигрышное (на ее взгляд) решение и уйдет из жизни, чтобы не обрекать своего ребенка на существование в пропитанных всеми людскими пороками стенах тюрьмы. Она найдет в себе силы, чтобы совершить этот тяжкий – уже перед лицом бога – грех, и предпочтет смерть гниению на нарах. И ни за что не допустит, чтобы ее ребенок родился на цинковом столе в тюремной больнице и чтобы по розовой попке его хлопнула красная от цыпок и дрожащая от дешевой водки рука тюремного акушера.

Шапиро ничего не знал и, услышав, что Валентина убила человека, так и сел. Толстые коричневые от заморского загара щеки его нависли над белым тугим воротничком сорочки, глаза из любопытных стали усталыми, в них читалась боль. И Кайтанов понял, что ни красноречия известного Шапиро, ни его интеллектуального потенциала все равно не хватит для того, чтобы Валя вышла на свободу.

– Пойдем… выйдем, подышим свежим воздухом, – пригласил он Захара на улицу из опасения, что их разговор может быть подслушан.

– У тебя есть какие-то конкретные мысли? – сразу же, оказавшись в тени лип на скамейке рядом с крыльцом адвокатского бюро, задал вопрос деловой и всегда собранный Захар. Бриллиант сверкнул на его мизинце, когда он в замешательстве потер свой аккуратный нос – единственный неосмысленный и вошедший в привычку жест, за который его ругала жена. («У тебя же после того, как ты потрешь свой нос, всегда идет кровь… Ты перепортил все сорочки, а они, между прочим, денег стоят…») – Ты не веришь, что нам удастся решить этот вопрос обычным путем.

– Нет, не верю… Я тут кое-что придумал… Короче, Зоря, тебе надо будет просто пару минут *ничего не делать*, и все.

– Побег?

– Да, из кабинета следователя, куда ее приведут для того, чтобы она поговорила с тобой как с адвокатом. Им и в голову не придет, что она сможет сбежать. Я был там, видел, что решеток на окнах нет, больше того – они вообще раскрыты… Первый этаж высокий – идеальный способ для побега. Мои люди примут ее, когда она заберется на подоконник, я все продумал и даже нашел людей, хотя ничего еще никому не рассказал. Мне важно было, чтобы согласился ты. Ты согласен?

– Но у меня будут неприятности… Не проще ли поговорить со следователем? Может, он сам поможет тебе?

– Нет, это исключено. Я наводил справки – наш следователь не продается. Редкая порода людей. С одной стороны, это приятно, что еще не весь мир скурвился, но с другой – он ни за что не поможет мне с побегом. Если ты боишься, что тебя в чем-нибудь заподозрят, то можешь не переживать… Валентина оглушит тебя чем-нибудь, небольно… А за это небольшое неудобство ты получишь пять тысяч баксов. Решай, Зоря…

– Я понимаю тебя, Лева, но уж больно просто, если тебя послушать, все это… Твою жену могут подстрелить при побеге, или же она может быть травмирована в момент спуска из окна, ты подумал об этом?

– У нее все получится. Зоря, мне больше не к кому обратиться с этой деликатнейшей просьбой. Но от того, как мы все сработаем, зависит слишком много…

Шапиро чувствовал, что Кайтанов находится в последней стадии нервного напряжения и что, если он ему сейчас откажет, тот сам, своими силами все равно попытается вызволить жену. Но у него, как у человека, у которого отняли самое дорогое, все гиперболизировалось в сознании. Простой выход, подсказанный ему рассудком, решал проблему, что называется, «малой кровью». Захар попытался это озвучить:

– Лева, существует еще один способ – залог. Ты не думал об этом?

– Так ведь она же совершила убийство…

– Ну и что? Ведь она – женщина, к тому же никогда не сидела, беременная… Я думаю, вот об этом как раз и можно договориться. Должны же они учесть тот фактор, что она сама призналась в убийстве. Это случается не так уж и часто. Если ты позволишь, я попытаюсь договориться об этом, тем более что шанс выиграть дело и ограничиться условным сроком – есть…

– Уж слишком неуверенным тоном ты мне это сейчас сказал. Хорошо, залог так залог. Ты готов прямо сейчас звонить следователю и говорить об этом?

– Готов…

– Тогда иди и звони, а я подожду тебя здесь…

Захар ушел, оставив после себя сладкий дух одеколона, Кайтанов же достал пачку сигарет и закурил. Чтобы убить время, он достал из кармана телефон и набрал номер Иуды.

– Привет, Иуда, это я. Теперь тебе не с кем будет играть на компьютере… – Он нервно засмеялся. Иуда сейчас для него был частью его семейной жизни, атрибутом домашних невинных развлечений, ожившим пуфиком или заговорившим толстым кудрявым псом. – Я бы хотел с тобой поговорить… Ведь ты часто сопровождал ее в магазин, на прогулках… Может, ты видел что или знаешь? Все бросай и приезжай на Таганку, я у Шапиро… Кажется, ты знаком с ним…

Иуда, ничего не понявший из разговора с Кайтановым, сказал, что через полчаса будет на месте. Но в конце не выдержал и все же спросил:

– А что случилось? И почему мы не будем играть…

– Хороший вопрос. – Не в силах сдержать нервную дрожь, Кайтанов разразился ужасным хохотом: – Твоя подружка, Валентина, убила какого-то подонка из соседнего дома. Р-р-раз – и убила! Пиф-паф! – И уже более серьезно: – Ты мне нужен, Иуда, лети скорее… Кто знает, может, твои показания окажутся полезными… А ты действительно ничего не знал?

– Убила?.. Как это?

Но вместо ответа он услышал лишь громкое дыхание Кайтанова.

– Все. Еду. Я быстро…

Закинув руки за голову, Лева подставил лицо щедрому на ласку и тепло солнцу и, зажмурившись, представил себе Валентину. Она тоже была такая же теплая и ослепительная, источающая жизненную силу. И вдруг в памяти всплыла другая картинка – залитый солнечным светом силуэт женщины, появившейся перед ним однажды на пролет ниже его квартиры. Кайтанов приехал на обед около двух часов, поднялся к себе и вдруг на лестничной площадке, рядом с распахнутым окном увидел женщину. Точнее, ее силуэт. Солнце заливало ее тоненькую фигурку, и Кайтанову поначалу показалось даже, что это Валентина. Но это была не она. Женщина отпрянула от окна и внимательно посмотрела на Кайтанова. Словно сфотографировала его своими большими светлыми глазами. Она курила, но он понял это чуть позже, когда запахло сигаретным дымом. Следовательно, она закурила, как только увидела его. Выразительное лицо Кайтанова спросило ее: вам кого? На что женщина отрицательно покачала головой: я не к вам. Ну и что? Мало ли кого он мог увидеть в подъезде? Солнца было так много, что маленькая голова женщины показалась ему сделанной

из цельного куска золота. Блондинка, можно даже сказать, красивая, вот только черты лица несколько грубоватые. Она была в светлых брюках, белой блузке, на шее, как живой, шевелился желтый газовый шарфик.

Кайтанов тогда подумал, что женщина кого-то ждет. Пришла без приглашения к кому-нибудь в гости, а дома никого нет. Обычная история. Вот только непонятно, с какой стати она вспомнилась ему сейчас.

Он переключился на тему залога. Да, залог, это было бы идеально. Но получится ли? И хватит ли у него наличных денег, чтобы хотя бы на время выкупить Валентину у этих… Он с отвращением вспомнил зеленые стены кабинета следователя и специфический запах табака, въевшийся в стены. Можно представить себе, подумал он, какие запахи одолевают ее в камере… И вдруг теплая волна надежды захлестнула его, когда он представил себе возвращение Валентины домой и ее желание как можно скорее избавиться от этого казенного запаха нечистот и табака. Он сам вымоет свою жену, сам завернет в полотенце и как драгоценную ношу отнесет в спальню. И никуда не уйдет ни в этот день, ни на следующий, пока не убедится в том, что опасность миновала… Или же будет брать ее с собой на работу, и временно Валентина поселится у него за кабинетом, в комнате для отдыха, где он создаст ей все условия для спокойной жизни. Его секретарша будет приносить им еду из ресторана, а чтобы Валентина не скучала, ей принесут компьютер с ее любимыми играми, и Кайтанов сам лично пригласит к ней верного Иуду… Главное – дожить до суда.

Шапиро вышел улыбающийся, большой палец правой руки был поднят в знак того, что все получилось. Лева покачал головой – он еще не верил в свое счастье.

– Не знаю, как ты, конечно, воспримешь ту цифру, что они заломили, но в прокуратуре тоже не дураки, они прекрасно понимают, что залог в сумме пяти тысяч долларов, с которого и начался, собственно, наш торг, смехотворен. Ты же все-таки директор банка, а потому эти деньги вряд ли удержат вас от побега… Нет-нет, это не было произнесено ими вслух, но подразумевалось… Так вот. Собирай наличные – тридцать тысяч баксов – и Валентина твоя.

– Тридцать тысяч? Да… И как реально все это будет выглядеть? Кому я должен отдать эти деньги? Наличными или как?

– Проще всего и быстрее перечислить в сбербанке на счет суда, квитанцию принесешь в прокуратуру, и вот, собственно, и все!

– У тебя есть номер этого счета?

– А как же? – говорил он, все еще нервными и торопливыми движениями промокая лоб носовым платком. По всему видно было, что и он испытывает чувство огромного облегчения, поскольку и ему теперь не придется помогать в организации побега и рисковать своим здоровьем, а то и жизнью, пусть даже за пять тысяч долларов. Все устраивалось лучшим образом. И сама Валентина, согласившись наконец давать показания, поспособствовала такому благоприятному исходу дела, о чем он и сообщил Кайтанову.

– А сейчас? Сейчас можно к ней поехать?

– Ее допрашивают… Она отвечает на вопросы. Думаю, что и это сыграло свою положительную роль. Я бы на твоем месте сразу же после сбербанка поехал домой и немного поспал. На тебе лица нет.

– Наверное, я так и сделаю… Правда, у меня голова идет кругом… Спасибо тебе, Зорька, ты действительно здорово помог мне. Но прошу тебя, никуда не уезжай из Москвы в ближайшее время, ведь будет суд, и я хотел бы нанять тебя в качестве адвоката. Надеюсь, ты не против?

– Нет. – Шапиро пожал Кайтанову руку, и они расстались, договорившись о вечернем звонке Левы.

Захар вернулся в свое бюро, а Кайтанов – на скамейку, где вынужден был теперь дожидаться Иуды. Телефонный звонок вывел его из задумчивости. Звонила какая-то женщина.

Она, заметно волнуясь, сказала, что ей есть что рассказать о Валентине. Просила его немедленно приехать к себе домой и ждать ее звонка. И никаких подробностей, объяснений. Когда Лева отключил телефон, по аллее уже шел быстрой походкой Иуда. Большое тело его тряслось складками жира. Он отвратительно лоснился и был потен. Но тем не менее это был Иуда, спешащий на помощь мужу своей Валентины. И будь Иуда строен и красив, как тот парень, что лежал теперь с пулей в башке в морге, вряд ли Кайтанов позволил бы Валентине играть с ним на пару в гонки или в сказочные компьютерные лабиринты…

– Лев Борисыч, что случилось? Где Валентина? Ваш телефон дома не отвечает… Вы даже автоответчик не включили…

– Да, не хотел, чтобы меня тревожили. И без того проблем куча… Валя убила одного парня, который жил в доме по соседству. Она не говорила тебе про него? Ты не видел, чтобы к ней кто-то подходил? Ты вообще понимаешь, о ком идет речь?

Иуда опустил глаза, и Кайтанов вдруг понял, что он что-то знает.

– Почему ты молчишь? У меня мало времени… Валя в милиции, сидит в камере, ее даже не кормят… Ты что-нибудь знал?

– Я видел этого парня, он красивый, – сказал Иуда, не поднимая глаз, и Кайтанов подумал о том, что эта фраза делает их с Иудой ближе, словно тот, другой, которого Валя убила, был не из их с Иудой племени. Тот, убитый, был красив по сравнению с ними. И Иуда не мог не заметить парня, который наверняка какое-то время присматривался к Валентине, прежде чем напасть на нее и затащить в подъезд.

– Ты видел его? Где? Как он себя вел? Он подходил к ней? Они разговаривали? Она говорит, что он напал на нее, что он маньяк, который неравнодушен к беременным женщинам. Он затащил ее к себе в подъезд, в дом, где снимал квартиру, и приказал… Словом, это уже неважно. Главное, что она застрелила его как бешеного зверя. И правильно сделала, – заметил он, как бы рассуждая сам с собой. – Вот, собственно, и все.

– Когда это случилось?

– Вчера. Так ты видел этого сукина сына?

– Да, кажется, видел. Он жил в соседнем доме. Высокий красивый молодой мужчина. Он часто стоял возле подъезда, когда мы с Валей гуляли. Я сразу обратил на него внимание.

– А может, они были знакомы?

– Нет, не думаю… – почему-то заволновался Иуда.

– Послушай, какие чувства ты испытываешь, черт возьми, к моей жене? Давно собирался тебя спросить. Ты любишь ее? Ты хочешь ее? Может, ты такой же, как и тот, кто затащил ее к себе в подъезд? Может, и ты тоже мечтаешь затащить ее в постель?

Он не заметил, как сорвался на крик. Прохожие оборачивались на них.

– Нет, я и не мечтаю… Она любит только вас, Лев Борисыч. Она постоянно говорит мне об этом. А я… Вы же не поверите мне, если я скажу вам, что не вижу в ней женщину. Вижу. Но я счастлив уже тем, что мне разрешено быть рядом с ней. Я давно стал ее рабом, а вы и не заметили.

Он говорил с улыбкой, какая, наверно, бывает у приговоренных к смертной казни. Улыбка висельника. До Кайтанова только что дошло, что и Иуда сейчас потерял Валентину, свою хозяйку, госпожу, свою мечту.

– Ладно, подробности ты не знаешь, как я понял…

– Нет, я ничего не знаю. Да и то это всего лишь предположения… И что же теперь будет, Лев Борисович?

– Попытаюсь забрать ее сегодня вечером *оттуда*.

– А почему вечером?

– Да потому что сейчас ее допрашивают. А у меня важная встреча.

– Ну и выдержка… – Иуда покачал головой. Жирные кудри вызвали у Левы приступ тошноты. «И как это она могла находиться с ним целыми днями?» – Я бы на вашем месте прямо сейчас начал действовать, отвез деньги…

И Кайтанов понял, что Иуда прав. Деньги! Надо срочно перевести деньги…

Но, с другой стороны, какая-то особа собиралась рассказать ему что-то о Валентине. Кто эта женщина и что она может знать? Мысль отдать деньги Иуде и поручить ему внести залог за Валентину он отогнал прочь – в таком важном деле он должен действовать сам.

– Это хорошо, что ты пришел… Мы поступим следующим образом. Ты вместе со мной сейчас поедешь ко мне на работу, я возьму деньги, оттуда заедем в сбербанк, внесем залог, а уж квитанцию ты отвезешь в милицию сам. Там уже все знают. Если получится, попытайся встретиться с ней и успокой ее, скажи, что вечером ее уже отпустят…

– А если ее отпустят раньше?

– Дело в том, что мне только что позвонили… Какая-то женщина пообещала мне рассказать что-то о Валентине, я так понял, речь пойдет об убийстве этого мерзавца. Возможно, это свидетельница, которая хочет получить свои деньги… И я не могу упустить этот шанс. Так ты отвезешь квитанцию?

– Спрашиваете…

– Тогда поехали. – И Кайтанов решительно направился к своей машине. Он не мог объяснить себе, почему у него именно сейчас проявилось такое неприязненное чувство к этому Иуде. Его физически тошнило от всего его внешнего облика. Он вдруг представил себе, что это не тот красивый парень, а именно Иуда набрасывается на Валентину и тащит ее в подъезд. От такой картинки у него внутри что-то перевернулось, руки так прямо зачесались… *Если закончится все благополучно – положу конец этим играм, к такой-то матери… Иуда. Право слово, Иуда, такая мерзкая рожа. Он просто отвратителен. Надо будет поговорить с Валей…*

Саратов, 1998 г.

Вера терпеть не могла, когда ее любовники в постели начинали откровенничать о своей интимной жизни со своими женами. Ясное дело, что все эти рассказы имели одну цель – дать понять Вере, насколько она хороша в постели, нежна, гибка и понятлива. Не то что наши жены. Но Вера была брезглива, а потому всегда страдала, если клиент настойчиво требовал от нее позволить ему то, в чем ему отказывают дома. При наличии страсти, по мнению Веры, секс хорош во всех его видах. Но когда приходится ее, эту страсть, играть, то ничего, кроме насилия, со стороны мужчины не ощущаешь. Да и тело отказывается расслабляться в полной мере, как того требует жесткий секс в чистом его виде. Поэтому, быть может, Вера перед тем, как встретить очередного любовника, выпивала пару рюмок коньяку. Вот и в тот день, когда она поговорила с Любой Гороховой, раздался все-таки звонок Александра Викторовича, который она ждала с самого утра. Он обещал прийти в течение часа. Это означало, что надо подготовиться к встрече и выпить не две рюмки, а все пять. Александр Викторович был одним из самых денежных клиентов, но и отрабатывать эти деньги Вере приходилось чуть ли не со слезами на глазах. Не сказать, чтобы этот маленький плотный мужчина с яйцеобразной головой на широких плечах и густой растительностью по всему телу был садистом, нет, но и удовлетворить его обычным способом было довольно трудно. Он постоянно придумывал и разыгрывал вместе с опьяневшей Верой какие-то «жанровые» сценки с применением медицинских инструментов, бытовой техники и обязательно фотоаппарата. Он снимал Веру на пленку, объясняя это своим сильным чувством к ней как к женщине, и, по его словам, выходило, что снимки с ее изображением он возил с собой в дальние и длительные командировки и что именно фотографии вдохновляли его в период воздержания на новые фантазии и любовные игры, которым они предавались по его возвращении. Иногда, немного протрезвев и понимая, что от нее требуют, Вера готова была убить этого лип-

кого, вымазанного в каком-нибудь креме или масле извращенца. Сколько раз, закрыв глаза и чувствуя, как он обращается с ее телом будто с неживым, она рисовала в своем воображении ванну, забрызганную кровью, – следы, оставшиеся после процесса расчленения его еще *живого*, наполненного кровью тела…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.